

Роксана Гедеон

Лилии над озером

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84(2)6
Р66

Роксана Гедеон

Лилии над озером / Роксана Гедеон — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 344 с.

ISBN 978-5-532-96201-9

1800 год. Для умирения третьей шуанской войны, разгоревшейся в Бретани, первый консул Наполеон Бонапарт посылает на запад страны знаменитого генерала Гийома Брюна. Этот человек много лет назад был влюблен в Сюзанну де Ла Тремуиль. Что принесет он в ее поместье – предложение мира или месть за растоптанную в прошлом любовь? Сюзанне и ее мужу Александру предстоит пережить много событий: войну, арест, драматическое – на грани жизни и смерти – появление на свет их второго сына. Сюзанна не мыслит своей жизни без мужа – непримиримого роялиста. Однако Бонапарт протягивает всем аристократам руку дружбы, Париж манит светской жизнью, а министр Талейран рисует перспективы блестящей жизни при новом дворе... Устоит ли героиня перед соблазнами Консулата? Ведь Сюзанна всего лишь женщина, красивая и эмоциональная, а английский берег, к которому судьба неотвратимо несет их с Александром семейный корабль, окутан туманом неизвестности...

ISBN 978-5-532-96201-9

© Роксана Гедеон, текст, 2014
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	59
Глава третья	106
Глава четвертая	172
Глава пятая	232
Глава шестая	300

Глава первая

Исцеление любовью

1

Вообще-то Лориан считался скучным городком. Многие даже утверждали, что скучнее нет места в мире. Так было триста дней в году. Но когда приходил сентябрь, здесь начиналась ярмарка, и Лориан на глазах преображался. Пестрые толпы заполняли узкие улочки и тесные площади, шум взрывал застоявшуюся тишину. Ярмарка выплескивалась за городскую черту, захватывала океанский берег.

Возле каменного Лориана возникал дощатый: тянулись ряды, павильоны, лавки. Залив покрывался судами. Каталонские парусные лодки, марсельские шаланды, барки из Гренобля теснились у причалов или стояли на якоре подальше от берега.

Мы кружили в лабиринте лавок и складов, над которыми колыхались полотнища разноцветных тканей с адресами торговцев. Вероника и Изабелла, прыгающие то на одной, то на другой ноге, были впереди меня.

— Мама, давай купим это! И то! И вот то тоже!

Я благоразумно отвечала:

— Мы не можем этого сделать, дорогие мои.

Брови Изабеллы возмущенно сходились к переносице:

— Разве мы теперь бедные?!

— Нет, мы не бедные. Но мы не можем тратить деньги на то, что у нас уже есть. Ты же знаешь, какое скверное было лето.

Близнецы, впрочем, быстро забывали о том, что хотели бы иметь, и бежали вперед, глаза по сторонам. На них тоже смотрели. Живые, бойкие светловолосые девочки, похожие друг на друга, как две капли

воды, привлекали внимание многих. Их охотно угощали торговцы, и к этому часу они, вполне вероятно, объелись сладостями.

Толстые стены из вязок луковиц и венков чеснока преграждали нам путь. Из решетчатых ящиков и корзин выглядывали яблоки и груши, на холстинах высились горы орехов, изюма, сушеного и свежего винограда. Близняшек угощали снова, и они складывали подарки в свои фартучки, ни от чего не отказываясь, хотя есть уже не могли. Мне это казалось забавным, и я этому не препятствовала.

В горячем и сладком, даже липком воздухе кружили рои плодовых мух, тучи ос и пчел, носились легкие стрекозы. Неподалеку плясали жигу матросы, оттуда же долетал гром тамбуринов, а над ярмаркой плыл гул колоколов. Вообще изобилие и веселье были таковы, что не верилось, что год выдался тяжелым и что вот уже которое лето в Бретани идет гражданская война, что провинция разорена, что почти полностью прервано сообщение между городами.

Мы приближались к постоялому двору. Мои дочери в который раз зачарованно застыли – теперь уже перед банками с вареными грушами, корзинами с дынями, горами обсахаренного аниса и розовыми пуделями из ячменного леденца. Последнее было им явно в диковинку, но я решительно взяла их за руки и заявила, что нам пора возвращаться в Сент-Элуа.

Они взбунтовались.

— Но почему? – вскричала Вероника. – Мы хотели остаться на городской бал! Я еще никогда-никогда не была на балу!

— И ты обещала, что мы пойдем к океану, соберем ракушки! – раздосадованно вскричала вслед за ней Изабелла.

Это была правда, но я предпочитала сейчас не помнить о своем слове. Мне было не до умиротворенных прогулок по океанскому берегу.

— Да, обещала, но теперь уже три часа пополудни, а мы должны вернуться домой до наступления темноты. Разве вы не знаете, сколько нынче разбойников на дорогах?

Я подтолкнула их к коляске и сделала знак кучеру.

Несмотря на то, что день ярмарки был так весел и мои дочери от души развлекались, я ни разу не смогла полностью разделить их

радость. С самого утра смутная тревога завладела мной. Я пыталась перебороть ее, и иногда мне удавалось отогнать на некоторое время поселившееся внутри тягостное предчувствие чего-то недоброго. Однако оно возрождалось в душе с новой силой, и я больше не могла этого выносить. Мне хотелось домой. Там будет спокойнее. Ведь я до сих пор не могла понять, кого касается моя тревога. Дома? Филиппа? Или чего-то еще?

Кроме того, я очень устала. Меня целый день мучила тошнота. Больше месяца назад, в конце июля, я обнаружила, что жду ребенка. Безусловно, это было очень некстати. Известий от мужа я почти не получала, не знала даже, где он находится, и, конечно же, беременность была сущим недоразумением сейчас, когда мы с Александром решили на время разойтись. Узнав о беременности, я задумалась не столько о ребенке, сколько о том, куда теперь в очередной раз повернет моя судьба, и честно прислушавшись к себе, решила: в Белые Липы возвращаться мне нет никакого смысла. Более того – у меня нет к этому желания.

Возможно, именно поэтому я и не спешила сообщать Александру о том, что к весне подарю ему еще одного наследника. Мы расстались в начале июля, и все время нашей разлуки я провела в Сент-Элуа, просто-таки упиваясь спокойствием и независимостью. Одиночество меня не беспокоило. Замок отстраивался, мы приводили в порядок второй этаж, расставляли мебель, подбирали посуду и портьеры, и за этими заботами мне было не до любовных переживаний.

В Сент-Элуа не было роскоши, но с каждым днем он становился все удобнее и добротнее, а я наслаждалась ролью хозяйки всего этого воссозданного мною великолепия. Никто не смотрел на меня косо, не упрекал, не отдавал мне приказы. Дети росли на лоне природы, радуя меня румяными щеками и отменным аппетитом. Я планировала реконструкцию парка, делала наброски новых насаждений, открывая в себе некоторые таланты архитектора природы, и на каждого, кто прервал бы эту идиллию, попросив вернуться в Белые Липы, посмотрела бы с неприязнью.

Так вот, Александр, узнай он о ребенке, первый предложил бы мне возвратиться... Поэтому я и молчала, затаившись в глуши Нижней Бретани.

Однако с течением времени мне становилось ясно, что написать герцогу обо всем необходимо. Возможно, именно то, что он еще ничего не знает, и питало мою тревогу? Я решила, что, как только мы приедем в Сент-Элуа, сяду и напишу ему письмо. Нет уверенности, конечно, что он его получит: в Белых Липах герцог почти не бывает, кроме того, там полно моих недоброжелателей, которые могут скрыть послание от Александра.

Но я все-таки напишу и отправлю письмо в Белые Липы. Ведь другого адреса я не знаю.

О ребенке, которого ждала, я старалась не думать. Он был неожиданностью, к которой я до сих пор не знала, как относиться. Особого желания иметь еще одного сына или дочь, честно говоря, я не испытывала, и еще меньше хотела давать в руки герцогу дополнительный рычаг влияния на меня. Доверие между нами не было восстановлено полностью, и мне было приятно чувствовать себя скорее незамужней и свободной дамой, чем замужней и подчиненной.

2

Золотистые полосы сжатой ржи чередовались с красноватыми полями гречихи, где снопы стояли в конических копнах, как ружья, составленные солдатами в козлы на бивуаке. На склонах холмов, заросших розмарином, горчицей, мелиссой, белели соломенные ульи, вывезенные крестьянами на поля для сбора меда. Коляска быстро мчалась по дороге, вдоль которой были вырыты глубокие канавы. Земля, что выбрасывали из них на обочину, образовала высокие откосы, поросшие кустами колючего дрока.

— Мама, ты совсем нам ничего не говоришь! — обиженно сказала Вероника. — И совсем нас не слушаешь.

Я погладила ее по голове, чувствуя свою вину, но рассеянность преодолеть не смогла. Не было сейчас сил прислушиваться к лепету

дочек. Беспокойство в душе все усиливалось, и я невольно подумала: хоть бы скорей оказаться дома!

Девочки, убедившись, что от меня трудно добиться внимания, мало-помалу разговорились между собой. Я краем уха слушала, как они делят покупки, как советуются, чем угощать Филиппа. От неожиданной мысли у меня сжалось сердце: до чего же они еще маленькие! И как много времени пройдет, прежде чем они станут способны хоть как-то о себе позаботиться! О Филиппе и говорить нечего — он почти младенец. И надо же было случиться, что именно сейчас на горизонте моей жизни замаячил новый ребенок. Боже мой, ведь так опасно иметь детей в нынешнее время!

Эти мысли нахлынули на меня, потому что я давно признавала: близится война. Бретань вообще была беспокойной и извечно мятежной провинцией. Ее изолированность, преданность старине, полное пренебрежение новыми законами, нравами и новой монетой могли основываться лишь на постоянной готовности взяться за оружие и защищать свои права на обособленность. Дикая здешняя жизнь воспитывала свирепых, суеверных, не знающих страха крестьян. Да и сама бретонская природа, изрезанная оврагами, потоками, озерами и болотами, вздыбленная повсюду колючая щетина живых изгородей каждый дом превращали в крепость. Каждое дерево прикрывало западню, каждый дуплистый ствол вербы таил военную хитрость. Поле сражения здесь могло быть повсюду.

За минувшие четыре года эти враждебные признаки как-то смягчились, скрылись. Но с нынешнего лета все изменилось. Крестьяне поголовно готовы были взяться за оружие. Снова воскресала героическая доблесть шуанов, питаемая надеждами на реставрацию монархии. Республика, казалось, агонизировала, и бретонцы вновь уверовали в реальность своей победы. Началась настоящая охота на синих. Отныне их за каждым кустом, в каждой живописной долине подстерегали невидимые враги, готовые к нападению.

Постоянно приходили тревожные вести: где-то шуаны напали на арсенал и пополнили свой запас оружия и пороха, где-то перестреляли конвой, где-то отбили зерно, предназначенное для синего гарнизона. Это не носило еще характер открытой войны и больше

походило на разбой, но можно было думать, что пока только идут приготовления к схватке. Участились случаи, когда шуаны прикидывались рекрутами, являлись на сборные пункты, заявляя, что готовы служить Республике и идут в синюю армию, и все это лишь для того, чтобы добыть себе оружие. Все эти признаки означали, что близится война.

— Селестэн, – обратилась я к кучеру, – пожалуйста, побыстрее! Мне так беспокоит на этих дорогах!

Я и сама уже не рада была, что отправилась в Лориан. Понятно, что в хозяйстве не хватает тысячи мелочей, которые можно купить только в городе, но можно было отвергнуть просьбы близняшек и не брать их с собой!

— Да ведь мы почти дома, ваше сиятельство.

Я оглянулась, и вздох облегчения вырвался у меня из груди. Селестэн был прав. За тревожными раздумьями я и не заметила, что Сент-Элуа совсем близко. Мелькнула среди деревьев изумрудная гладь маленького лесного озера, потом перед нами открылась долина, а среди нее – светлые очертания отстроенного замка.

— Мы приехали, – сказала я. – Ну, слава Богу!

Селестэн придержал лошадей. Близняшки, как всегда, выскочили из коляски уже здесь, за четверть лье до замка, и бросились гоняться за бабочками. Я крикнула им, что они должны быть дома до захода солнца, и экипаж покатил дальше.

Мы только подъезжали, а я уже заметила странную фигуру на обочине дороги. Это был человек, одетый в козий мех до самых пят, штаны из грубого холста и грязную шапку из красной шерсти. Длинные космы, падающие из-под шапки, сливались с козым мехом. Человек сидел согнувшись и, похоже, полдничал. Приподнявшись, я взглядела в него, и мне показалось, что я его узнала. Он смахивал на шуана по имени Терновник, которого мне доводилось видеть в Белых Липах.

Он, завидев нас, тоже вскочил. Моя рука опустилась на плечо Селестэна – этим жестом я попросила его остановиться. Шуан не спеша собрал снесь с котомку, поднялся и зашагал к нам, опираясь

на толстую дубину. Я вышла из коляски, дав знак Селестэну ехать дальше.

Терновник почтительно поклонился.

— Добрый день, ваше сиятельство, — произнес он по-бретонски. — Я к вам с недоброй вестью.

Меня бросило в дрожь. Итак, тревожное предчувствие, не покидавшее меня с самого утра, похоже, начинало оправдывать себя.

— Меня послали к вам из Белых Лип, ваше сиятельство. Я прибыл два часа назад и поджидал вас.

Меня затошнило просто до невозможности. Превозмогая комок, подступивший к горлу, я насилу выдавила:

— Так что же случилось?

— Мне велели вам передать, что господин герцог убит.

3

— Что вы сказали? — прошептала я одними губами. Услышанное не укладывалось у меня в голове. Я если и восприняла слова шуана, то лишь как нечто нелепое, не имеющее ко мне отношения.

— Господин герцог убит, — повторил Терновник, и его коричневое лицо исказилось. — Меня послали к вам... может, вы приедете.

Кровь отхлынула у меня от лица, и даже губы побелели. Сдвинув брови, я спросила:

— Кто вам все это сказал?

— Меня послал к вам с известием слуга господина герцога, Гариб.

— И он сказал, что герцог убит?

Шуан пожал плечами:

— Я и сам видел.

— Что вы видели? — допытывалась я, ломая пальцы.

— Видел, как господина герцога внесли в дом на носилках. Он был весь в крови. А потом вышел Гариб и сказал: поспеши, мол, Терновник, в поместье Сент-Элуа, что в Нижней Бретани, и сообщи госпоже, что ее муж умер.

— Он именно так сказал?